

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Thor Heyerdahl. *Aku-aku. Päskeoyas hemmellighet*. Oslo, 1957. Английское издание: *Aku-aku. The Secret of Easter Island*. London, 1958. Сокращенные русские переводы: Тур Хейердал. *Аку-аку. Тайна острова Пасхи*. «Юность», 1958, №№ 1—3; «Вокруг света», 1958, №№ 1—4.

В 1955—1956 гг. на острове Пасхи вела исследования археологическая экспедиция, организованная известным норвежским путешественником Туром Хейердалом. В составе экспедиции, помимо Хейердала, работали два американских археолога — проф. Уильям Мэллой из Вайомингского университета и проф. Карлайл Смит из Канзасского университета; норвежский археолог Арне Шелсволд; сотрудник музея Нью-Мексико Эдвин Фердон; студент-археолог Гонсало Фигероа из университета в Сант-Яго; фотограф, водолаз и другие — всего 23 человека (стр. 26—27)¹. Во время экспедиции велась раскопка в бухте Анакена (резиденция верховных вождей), в Винапу (храм и крематорий), Оронго («солнечная обсерватория»), Поике («оборонительная траншея») и в ряде других мест. Составлена карта с указанием пещер, обследованных экспедицией (стр. 48—49). Экспедиция приобрела у местных жителей большое количество каменной скульптуры и других предметов.

В книге «Аку-аку» Хейердал продолжает развивать свои взгляды, подробно изложенные им в монографии «Американские индейцы в Тихом океане»² и вкратце повторенные в книге «Путешествие на „Кон-тики“»³. В основном эти взгляды сводятся к тому, что древние цивилизации Мексики, Центральной Америки и области Анд были созданы таинственным белым народом, остатки которого впоследствии переплыли Тихий океан и создали цивилизацию на островах восточной Полинезии. «Когда в Перу пришли первые испанцы, они нашли в этой горной стране великую империю инков. Инки рассказали, что колоссальные, ныне заброшенные монументы были воздвигнуты белыми богами, жившими до того, как инки взяли власть в свои руки. Исчезнувших ваятелей описывали как мудрых и миролюбивых учителей, которые пришли с севера на заре истории и обучили предков инков строительному искусству и земледелию, а также передали им свои обычаи. Они выделялись среди индейцев белой кожей, длинной бородой и высоким ростом. В конце концов они покинули Перу так же внезапно, как и пришли туда; инки сами стали владеть страной, а белые учителя навсегда оставили побережье Южной Америки, исчезнув в западном направлении, среди Тихого океана»⁴. В другом месте Хейердал пишет: «Откуда появились у полинезийцев эти поразительные познания в области астрономии, кем был составлен их удивительно детальный календарь? Можно уверенно утверждать, что эти знания не были переняты у меланезийских или малайских народов на западе. Зато все тот же исчезнувший народ — «белые бородатые люди», передавшие свою замечательную культуру ацтекам, майя и инкам в Америке, — этот народ имел соответствующий календарь и обладал такими познаниями в астрономии, каких не имела Европа в те времена»⁵. Хейердал придерживается того мнения, что древние цивилизации появились в Америке внезапно: «Бросается в глаза и тот факт, что никому не удалось обнаружить следов, которые говорили бы о постепенности эволюции тех высоких культур, которые когда-то существовали на территории от Мексики до Перу. Чем дальше вглубь зарываются археологи, тем выше оказывается раскапываемая культура, вплоть до какого-то момента.

¹ Ссылки даются по указанному выше английскому изданию.

² Thor Heyerdahl, *American Indian in the Pacific*, London — Stockholm — Oslo, 1952.

³ Т. Хейердал, Путешествие на «Кон-Тики», Л., 1958 (ссылки на страницы даны по этому изданию).

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 128.

когда находки говорят о том, что древняя цивилизация появилась здесь сразу, без всякой связи с прошлым местных примитивных племен»⁶.

По вопросу о том, откуда появились в Америке эти таинственные белые люди, у Хейердала нет определенного мнения. «Может быть, эти кочующие носители самобытной культуры были представителями одного из культурных народов Средиземноморья и когда-то, в незапамятные времена, отправились тем же простейшим способом, влекомые морскими течениями и пассатами, с Канарских островов к Мексиканскому заливу?»⁷. В других местах Хейердал пишет, что «белые люди» могли попасть в Америку из Азии, Африки или даже появиться в результате «местной эволюции»⁸.

Высказывая такого рода мнения, Хейердал явно находится под впечатлением научно-фантастических работ прошлого века. Одно время действительно было в моде разыскивать в Америке пропавшие «десять колен Израиля», таинственных атлантов; выходцев с берегов Средиземного моря и т. д. Об этом были написаны десятки книг. Начало серьезного изучения древних американских цивилизаций сразу же показало, что они созданы самими индейцами. С тех пор таинственные «белые учителя» индейцев навсегда исчезли со страниц научных трудов по американистике.

С другой стороны, утверждения Хейердала о том, что высокие культуры Америки и Полинезии созданы не индейцами и не полинезийцами, а таинственным белым народом, независимо от желания автора, по существу поддерживают антинаучную расистскую пропаганду.

Как известно, в основе расизма лежат не соответствующие действительности положения о физической и психической неравноценности человеческих рас и о зависимости истории человеческого общества и культуры от расовых различий. Как ни различны варианты расизма, но для всех них характерна пропаганда ложной человеконенавистливости идеи «высших» и «нижних» рас, из коих первые якобы являются единственными носителями цивилизации, создателями всех культурных ценностей, а вторые способны только на подражание и подчинение первым.

В своих работах Хейердал уделяет много внимания вопросу о связях между Америкой и Полинезией. Такие связи, несомненно, существовали. Общеизвестно, например, что полинезийский сладкий картофель (кумара) — американского происхождения. Есть веские основания предполагать, что полинезийцы в своих плаваниях достигали Америки⁹. Имеются сообщения и о плаваниях инков на Галапагосские острова¹⁰. Хейердал подробно изучал вопрос об индейском мореплавании и доказал высокие мореходные качества бальзового плота¹¹. Не исключено, что отдельные перуанские плоты могли достичь Полинезии. Однако нет никаких оснований утверждать, что имело место переселение из Америки в Полинезию.

Теория заселения Полинезии из Америки была выдвинута впервые испанским миссионером Суньига, который в доказательство ее указывал на сходство нескольких филиппинских и южноамериканских слов и на трудность или даже невозможность плавать в Тихом океане против пассатов, с запада на восток¹². Уильям Эллис, известный исследователь Полинезии, также склонен был принять эту теорию, учитывая преобладание в Тихом океане восточных ветров. Он ссылаясь также на сходство в языках, обычаях, материальной культуре народов Америки и Океании¹³.

Позднее, по мере накопления этнографических сведений о народах Полинезии и Юго-Восточной Азии и особенно с установлением факта близкого родства полинезийских и индонезийских языков¹⁴, теория заселения Полинезии из Америки была признана несостоятельной. «И в самом деле, — отмечает С. А. Токарев, — язык и вся культура народов Полинезии связывают их с Юго-Восточной Азией. Это признают все современные ученые. Все сколько-нибудь серьезные попытки разобраться в вопросе о происхождении полинезийцев исходят из этого ныне несомненного факта»¹⁵. Следует

⁶ Там же, стр. 113.

⁷ Там же, стр. 112.

⁸ T. Heyerdahl, *American Indian in the Pacific*, стр. 252, 304, 314, 344—345.

⁹ Те Ранги Хироа (Питер Бак), *Мореплаватели солнечного восхода*, М., 1950, стр. 262—265; E. D. Merrill, *The Botany of Cook's Voyages*, Waltham, Massachusetts, 1954, стр. 214.

¹⁰ Thor Heyerdahl and Arne Skjölsvoldu, *Archaeological Evidence of Pre-Spanish Visits to the Galápagos Islands*, «*American Antiquity*», т. XXII, № 2, ч. 3, октябрь 1956.

¹¹ Thor Heyerdahl, *The Balsa Raft in Aboriginal Navigation off Peru and Ecuador*, «*Southwestern Journal of Anthropology*», т. II, 1955, № 3; Его же, *Guara Navigation; Indigenous Sailing of the Andean Coast*, «*Southwestern Journal of Anthropology*», т. 13, 1957, № 2.

¹² J. M. Zuniga, *Historia de las Islas Philipinas*, Sampaloc, 1803, стр. 26—30.

¹³ W. Ellis, *Polynesian researches*, т. 2, 1830, London, стр. 37—52.

¹⁴ На родство полинезийских и индонезийских языков впервые указал участник русской экспедиции 1815—1818 гг. естествоиспытатель А. Шамиссо. Проблема родства этих языков детально разработана в трудах Керна, Брандштеттера и Демпвольфа. См., например О. Demppwolff, *Vergleichende Lautlehre des austronesischen Wortschatzes*, Berlin, 1934—1938 (три тома).

¹⁵ См. Те Ранги Хироа, *Указ. раб.*, Предисловие, стр. 11.

отметить, что антропологические и археологические материалы подтверждают данн языка и этнографии. «Происхождение полинезийцев и микронезийцев,— пишут антропологи Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин,— несомненно, связано с Юго-Востоком Азии»¹⁶. Р. Хейне-Гельдерн, с своей стороны, показал, что формы каменных топор полинезийцев связывают их с поздненеолитической культурой западной Индонезии.

Наряду с этим постепенно становилось известным все большее число сходных черт в культурах индейцев Северной и Южной Америки и народов Океании. Так, население Перу имеет много черт культуры, общих с полинезийцами и еще больше с народами Юго-Восточной Азии. Население северо-западного берега Северной Америки имеет ряд общих черт с обитателями Новой Зеландии. Кроме того, установлено немало культурных параллелей между Индонезией и Меланезией, с одной стороны, и северной частью Южной Америки и районом Амазонки — с другой. Чем объясняется наличие этих параллелей? На эту тему писали Гребнер, В. Шмидт, Норденшельд, Диксон, проблема еще далека от разрешения. Очевидно, однако, что теория заселения Полинезии из Америки, даже если бы она не шла в разрез с фактом родства полинезийцев индонезийцев, этой проблемы не решает, ибо черты, сходные с культурой американских индейцев, наблюдаются не только в Полинезии, но и в Меланезии, Индонезии и азиатском континенте.

Хейердал впервые изложил свои взгляды в 1941 г.¹⁸ Он повторил примерно аргументы Суньиги и Эллиса столетней давности, отметил культурные параллели между Америкой и Океанией, указал на преобладание в Тихом океане восточных ветров и трудность плавания против них и выдвинул, кроме того, новые соображения. Исходя из того, что заселение Полинезии началось не раньше V—VI вв. н. э. и что народы Юго-Восточной Азии в то время уже знали металл, он пришел к выводу, что полинезийцы также имели бы металл, если бы они пришли из Юго-Восточной Азии. Но у них не было металла, значит, по мнению Хейердала, они пришли оттуда, где в V в. н. э. металла не было, т. е. из Америки.

В 1947 г. Хейердал с пятью спутниками совершил путешествие на плоту древнеперуанского типа из Южной Америки в Полинезию. Тем самым он добыл еще один и притом очень важный, аргумент: доказал возможность плаваний древних перуанцев на плотках из Южной Америки в Полинезию. После этого появились две его статьи: популярная книга о плавании на плоту²⁰ и, наконец, упоминавшаяся выше монография «Американские индейцы в Тихом океане», где Хейердал для обоснования своей теории заселения Полинезии из Америки привлекает данные этнографии, археологии, антропологии, лингвистики, ботаники, метеорологии.

Как отметил один из рецензентов монографии Хейердала Гекель, специальное обсуждение того большого круга проблем, который связан с вопросом о происхождении полинезийцев, обязательно предполагает основательное знакомство с этнографией, лингвистикой, археологией и антропологией не только Океании, но также Восточной Южной Азии, равно как и западных районов Северной, Центральной и Южной Америки²¹. Критиковать теорию Хейердала оказалось поэтому нелегким делом. Кроме того, как часто бывает в науке, многие вопросы поныне еще неясны.

К настоящему времени весьма значительное число специалистов разных отраслей знания высказали свое отношение к монографии Хейердала «Американские индейцы в Тихом океане». В подавляющем большинстве они дали этой книге отрицательную оценку. Лишь отдельные части книги встретили положительный прием, но, как правило, те части, в которых ученые, оценившие их положительно, не являются специалистами. Так, лингвист Лэнгхорн-Орджил положительно оценил ту часть книги, где затрагиваются вопросы ботаники²², тогда как ботаник Меррилл, крупнейший специалист по флоре Океании, пишет: «Если многочисленные проблемы, обсуждаемые в этой книге Хейердала, столь же слабо им изучены, как и проблема 7-й главы, где он имеет дело с данными ботаники, то наука, вероятно, выиграла бы, если бы эта книга никогда не была опубликована»²³.

В полемике довольно скоро выявились слабые стороны книги Хейердала. При чтении его работы,— пишет Гекель,— постоянно наталкиваешься на пробелы в соответствующих областях знания. Объем книги и обширная библиография, занимающая 32 страницы, доказывают, что автор приложил много энергии и усилий. Однако библиографии опущен ряд важных работ... В оценке источников ощущаются недо-

¹⁶ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955, стр. 432.

¹⁷ R. Heine-Geldern, Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier, «Anthropos», т. 27, 1932, стр. 578—585.

¹⁸ Thor Heyerdahl, Did Polynesia culture originate in America? «International sciences», т. I, 1941, стр. 15—26.

¹⁹ Thor Heyerdahl, The voyage of the raft Kon-Tiki, «Geographical Journal», т. 115, 1950, стр. 20—41; Его же, Voyaging distance and voyaging time in Pacific migration, «Geographical Journal», т. 117.

²⁰ Thor Heyerdahl, The Kon-Tiki expedition, London, 1950.

²¹ Рецензию J. Haekel см. в журн. «Anthropos», т. 51, 1956, № 3—4, стр. 801.

²² «Journal of Austronesian Studies», т. 1, ч. 1, 1953, стр. 152.

²³ E. D. Merrill, Указ. раб., стр. 250; см. рецензию на эту книгу в журнале «Сов. этнография», 1958, № 1.

статочно критический подход и отсутствие ясного метода. По мнению Хейердала, правильный путь состоит в том, чтобы противопоставлять друг другу мнения разных авторов в виде цитат. Но фактически эти цитаты подобраны предвзято. При этом вряд ли учитывается, насколько надежны привлекаемые источники. Выводы, взятые из работ прошлого века, покоящиеся на еще недостаточном материале, рассматриваются как равноценные выводам современных авторов. При этом специальная литература по Восточной и Южной Азии совершенно не учтена²⁴. «Обзор библиографии,— пишет Гекель,— показывает, как мало, например, привлек он литературы по Северо-Западной Америке»²⁵.

Хейердал сравнивает, например, тотемные столбы индейцев северо-западного берега Северной Америки и резные столбы маори. Но подобные столбы и резьба с фигурами, расположенными одна над другой, имеются на Новой Гвинее и у даяков на Борнео. Причем в искусстве даяков встречается и такой мотив, как высунутый язык²⁶.

В результате Гекель приходит к выводу, что «большинство из приводимых им (Хейердалом.— Авторы) культурных параллелей между Полинезией и Америкой могут, при критическом рассмотрении, говорить равным образом в пользу азиатского происхождения полинезийцев»²⁷. К этому же выводу приходит и Р. Хейне-Гельдерн²⁸.

Хейне-Гельдерн, касаясь вопросов археологии Восточной Азии и Меланезии, пишет о Хейердале: «Он не знает, что эти районы имеют гораздо больше общего с Северо-Западной Америкой в материальной культуре, искусстве, мифологии и социальных обычаях, чем Полинезия. Он не знает о том факте, что большое число черт, которые, по его мнению, говорят о происхождении полинезийцев из Северо-Западной Америки, встречается также в Азии. Приведем только один пример: он придает большое значение сходству между каменными топорами Британской Колумбии и восточной Полинезии. Очевидно, он не знает, что сходные типы топоров найдены в неолитических слоях Кореи, Японии, прибрежного Китая, Филиппин, северного Борнео и северного Целебеса (Сулавеси.— Авторы)»²⁹.

Часть книги Хейердала, касающаяся вопросов ботаники, как уже было отмечено, подверглась сокрушительной критике. Такая же судьба постигла и часть, посвященную лингвистике. Это и неудивительно, если учесть, что Хейердал, игнорируя работы Демпвольфа и Кепелла, пытается отрицать такой очевидный факт, как родство полинезийских и индонезийских языков. Лингвист Ганс Келер пишет: «Полинезийские языки не содержат, по существу, ничего такого, чего нет в индонезийских языках. Дух полинезийских языков — чисто индонезийский. Соответственно, даже в деталях, слишком многочисленны, чтобы их можно было объяснить предположением о простом заимствовании... Я пришел к выводу, что нет существенных различий между этими двумя группами. Поэтому термин «полинезийские» диалекты является неоправданным с точки зрения лингвистики и последние должны быть включены в индонезийские языки»³⁰.

Отрицая родство полинезийских языков с индонезийскими, Хейердал пытался доказать, что полинезийские языки родственны языкам индейцев северо-западного берега Северной Америки. Конечно, он не достиг здесь убедительных результатов. «Жонглирование отдельными цитатами и мнениями с целью спасти свою теорию при всех обстоятельствах,— пишет в этой связи Гекель,— вряд ли можно считать научной аргументацией»³¹.

Следует с удовлетворением отметить, что Хейердал в рецензируемой книге отказывается от многих прежних ошибочных утверждений. Так, он признает теперь, что в Тихом океане возможны плавания не только с востока на запад, но и с запада на восток. Факты говорят об этом совершенно определенно. Ветры в Тихом океане дуют не только с востока, но и с запада; это отмечали еще ранние путешественники (Портеген, Картерет, Кук, Лаперуз)³². Предания полинезийцев говорят о плаваниях с запада на восток на сотни и даже тысячи миль: от Тонга к Ниуэ, к Мангайя, к Маркиз-

²⁴ J. Haekel, Указ. рецензия, стр. 801.

²⁵ Там же, стр. 805.

²⁶ См., например, Ch. Hose W. Mc Dougall, The pagan tribes of Borneo, т. I, 1952, рис. 45, табл. 25; т. II, табл. 114, 146, 149, 152, 154, 157, 160, 161, 206.

²⁷ J. Haekel, Указ. рецензия, стр. 806.

²⁸ R. Heine-Geldern, Heyerdahl's hypothesis of Polynesian origins, «Geographical Journal», т. 116, 1950, стр. 183—192.

²⁹ R. Heine-Geldern, Some problems of migration in the Pacific, «Kultur und Sprache. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», Jahrg. 9, 1952, стр. 357.

³⁰ H. Kähler, Die Stellung der polynesischen Dialekte innerhalb der austronesischen Sprachen, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», т. 100, 1950, стр. 646—658.

³¹ J. Haekel, Указ. рецензия, стр. 806.

³² Интересно, что сами полинезийцы имеют в своих языках до 15 различных названий для западных ветров. Но, главное, наличие этих ветров подтверждено современными метеорологическими наблюдениями. Так, на острове Яп средний процент западных ветров в июле — 35, в августе — 55, в сентябре — 42, в октябре — 37; на острове Пасхи в мае — 32, в июне — 33, в июле — 29, в августе — 26, в сентябре — 29. Следует учесть также, что микронезийцы и полинезийцы умеют плавать против ветра.

ским островам, от Самоа к Раротонга, от Раротонга к Мангареве, от Таяи к Мангареве и Питкерну. Плавание подобного рода упоминались и ранними путешественниками. Так, О. Е. Коцебу рассказывает о плавании в 1813—1814 гг. трех микронезийцев на парусной лодке от острова Улеа (Каролинские) до острова Аур (Маршалловы) на расстояние около 1500 миль. Плавание длилось 8 месяцев, микронезийцы питались рыбой и пили дождевую воду. «Самое замечательное в этом путешествии то, — отмечает Коцебу, — что оно совершено против северо-восточного пассата, и поэтому должно обратить на себя особое внимание тех, которые полагают, что заселение островов Южного моря шло от запада к востоку»³³. Число подобного рода фактов можно значительно увеличить. Прав поэтому Хейне-Гельдерн, когда пишет: «Перед лицом всех этих фактов трудно понять, как может кто-либо поддерживать теорию, что полинезийские острова, из-за неблагоприятных ветров и течений, не могли быть заселены иммигрантами с запада»³⁴.

Хейердал в рецензируемой книге признает ранее отрицавшийся им факт близкого родства полинезийских языков с индонезийскими. Но он утверждает, что если лингвистические данные говорят о происхождении полинезийцев с запада, то данные антропологии, напротив, говорят о происхождении их с востока (стр. 357—358). В действительности, однако, данные антропологии говорят то же, что и лингвистика. В. В. Бунак считает, что «население Полинезии антропологически правильнее всего определить как сложный конгломерат различных типов, происходящих из Юго-Восточной Азии и Индонезии»³⁵. Об этом же говорят данные и других наук. Вот как высказываются об этом Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин: «Данные этнографии, археологии, антропологии, языковедения, исторические сведения позволяют считать доказанным, что предки полинезийцев переселились на острова Тихого океана из областей Юго-Восточной Азии в сравнительно недавнее время»³⁶.

Говоря об антропологии в целом, Хейердал делает особый упор на группы крови (стр. 358—359). Но группы крови — весьма сомнительный критерий, когда речь идет об установлении этнического родства. Доказано, например, что бесспорно родственные популяции могут сильно различаться по процентному распределению групп крови³⁷. Так, самоанцы по группам крови ближе стоят к австралийцам, чем к маори и гавайцам³⁸.

Таким образом, никаких противоречий между лингвистикой и антропологией в вопросе о происхождении полинезийцев не существует.

Так как в книге «Аку-аку» Хейердал часто говорит о белых, рыжеволосых и голубоглазых людях на острове Пасхи (стр. 74, 141, 351—355), на этом вопросе стоит остановиться подробнее. Хейердал отождествляет их с так называемыми «длинноухими», по его мнению, — древними выходцами из Южной Америки. При этом он неоднократно ссылается на личные наблюдения (утверждая, например, что Эстебан Атан мог сйти за местного жителя в любой стране Северной Европы, стр. 231) и упоминает также мореплавателей XVIII в. (Гонсалеса, Лаперуза, стр. 31—32), по словам которых рапануицы были высокого роста, светлого цвета и иногда светловолосые.

Однако Хейердал неправ. Светлая пигментация кожи, если она попадает на среднюю полинезийцев, должна быть отнесена за счет альбинизма и ни в коем случае не свидетельствует о наличии признаков европеоидности. «В типе несмешанных полинезийцев нет никаких специфических признаков европеоидности», — отмечает В. В. Бунак³⁹.

По данным антрополога М. Бормида⁴⁰, «чистокровные» рапануицы высокого роста (172 см у мужчин), цвет их кожи от светло-коричневого до коричневого (у женщин кожа более светлая), волосы черно-коричневые (№ 27 по шкале Фишера), хотя изредка встречаются более светлые, каштановые и желтоватые (слабый альбинизм эндемического происхождения). Такими же изображают жители острова Пасхи первыми путешественниками, начиная с Роггевена (1722 г.). Изучение черепов с острова Пасхи также не дает абсолютно никаких указаний на «белую расу».

«Наиболее вероятно, — пишут Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин, — что полинезийское население — это своеобразная, более или менее однородная группа типов, в которой можно отметить сочетание смягченных черт австралийской и монголоидной рас»⁴¹.

³³ О. Е. Коцебу, Путешествия вокруг света, М., 1948, стр. 189.

³⁴ R. Heine-Geldern, Some problems of migration in the Pacific, стр. 322.

³⁵ В. В. Бунак и С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, 1951, стр. 517.

³⁶ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 431.

³⁷ P. H. A. Sneath, Anthropological blood-grouping in South-East Asia, «Man» т. 54, 1954, № 23.

³⁸ J. J. Graydon, Blood-groups and the Polynesians, «Mankind», т. 4, Sydney, 1952, № 8, стр. 335.

³⁹ В. В. Бунак и С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 517.

⁴⁰ M. Bórmida, Somatología de la Isla de Pascua, «Runa», т. IV, ч. 1—2, Buenos Aires, 1951, стр. 178—222.

⁴¹ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 431.

Что касается наблюдений Хейердала над современными рапануйцами, то необходимо напомнить, что, по исследованиям д-ра Драпкина, в 1934 г на острове Пасхи было 150 «чистокровных» рапануйцев и 297 метисов. В смешении с рапануйцами принимали участие, помимо таитян и жителей архипелага Туамоту, также чилийцы, немцы, французы, англичане, скандинавы, китайцы, североамериканцы и итальянцы. «Чистокровными» д-р Драпкин условно считал тех, у которых до третьего поколения не прослеживается примесь чужой крови⁴². М. Бормида отмечает, что рождение детей от случайных отцов не считалось на острове Пасхи предосудительным, и поэтому установить фактического отца крайне трудно, особенно если речь идет о предках⁴³. Кстати, по легенде, сам Хоту-Матуа, первый «король» острова Пасхи, оказался незаконнорожденным, о чем он узнал только под старость, в результате ссоры с женой⁴⁴.

О «чистокровных длинноухих» вообще говорить не приходится, так как, согласно преданиям, «длинноухие» прибыли на остров без женщин, а после битвы с «короткоухими» из них уцелел только один мужчина.

Таким образом, утверждения Хейердала о наличии «белой расы» на острове Пасхи лишены научного основания.

В рецензируемой книге Хейердал излагает новую периодизацию истории острова Пасхи, тесно связанную с его общими взглядами (стр. 103—104, 109—110).

Первый период начинается с прибытия на остров Пасхи «цивилизованных» белых людей из Южной Америки. «Их первый король привез с собой «длинноухих», когда прибыл с востока на остров на мореходных судах. Он плыл 60 дней и все время правил на закат» (стр. 353; под «первым королем» следует понимать Хоту-Матуа). Это был «народ с высокоспециализированной культурой, владевший техникой инков в каменотесной работе» (стр. 103). От этого периода сохранились сооружения из камня, например в Винапу, небольшие статуи с руками, скрещенными на животе, и четырехгранные статуи.

Второй период, по Хейердалу, характеризуется сооружением гигантских каменных статуй и перестройкой «инкских» сооружений. Всем этим занимались «длинноухие», привлекая для помощи себе дикарей-людоедов «короткоухих». Тем работать не хотелось, и из-за этого вспыхнула война (стр. 122). «Длинноухие» вырыли оборонительную траншею на полуострове Поике, чтобы защищаться от «короткоухих». Траншея была вырыта, как утверждает Хейердал, ссылаясь на радиоуглеродный анализ, около 400 г. н. э. (стр. 127). В конце концов «короткоухие» загнали «длинноухих» в траншею и сожгли живьем. Это событие произошло якобы около 300 лет назад, также согласно данным радиоуглеродного анализа.

Третий период характеризуется войнами, свержением статуй и людоедством. В это время «прекратилась вся культурная жизнь» (стр. 104).

Следует отметить, что периодизация Хейердала совершенно игнорирует общеизвестные научные факты. Если так называемая «оборонительная траншея» на полуострове Поике была сооружена около 400 г. н. э., то о какой инкской строительной технике может идти речь? По историческим преданиям острова Пасхи, арики Хоту-Матуа со своими людьми прибыл на двух двойных ладьях с острова Хива. В преданиях совершенно ясно говорится, что Хоту-Матуа плыл на восток, а не на запад. Энглерт, специально занимавшийся этим вопросом, пишет: «Некоторые авторы предполагают, что, согласно преданию, Хоту-Матуа прибыл с востока, т. е. имела место иммиграция из Америки. Это предположение полностью противоречит преданию»⁴⁵. Люди Хоту-Матуа назывались ханау-момоко («тонкие», раньше неправильно переводили «короткоухие»). После смерти Хоту-Матуа, при арики Туу-ко-иху, на остров прибыли ханау-еепе. Как объяснил Энглерт, этот термин означает не «длинноухие» (как тоже ошибочно переводили раньше), а «толстые»⁴⁶. По тем же преданиям, ханау-еепе вырыли траншею с целью загнать в нее ханау-момоко и изжарить, но последним удалось перехитрить противников⁴⁷. Период после войны за свержение статуй (хури-моаи) характеризуется отнюдь не одичанием, как неоднократно утверждает Хейердал.

При последнем арики Нгаара (середина XIX в.) на острове существовали рапануйские школы, в которых изучалось иероглифическое письмо. Ежегодно в Анакене происходил своего рода «конгресс» маори-ронго-ронго (ученых-жрецов). По Хейердалу же получается, что полинезийцы оказались способны только уничтожить культуру, которую якобы создали «белые люди».

Для обоснования своей периодизации истории острова Пасхи Хейердал привлекает археологический материал. Мы ограничимся здесь лишь обнаруженными экспедицией новыми памятниками, так как все другие давно известны исследователям.

В своих предыдущих книгах Хейердал утверждал, что культура на полинезийских острова была принесена древними обитателями Тиахуанаку — огромного городища, находящегося на территории современной Боливии. После какой-то катастро-

⁴² М. Bórmida, Указ. раб., стр. 182.

⁴³ Там же, стр. 183.

⁴⁴ S. Engler t, La tierra de Hotu Matu'a, Padre Las Casas, 1948, стр. 69—70.

⁴⁵ Там же, стр. 30.

⁴⁶ Там же, стр. 88—89.

⁴⁷ Там же, стр. 120.

фы жители Тиахуанаку покинули свой родной город и на флотилии из бальзовых плотов якобы переселились в Полинезию.

В «Аку-аку» Хейердал продолжает придерживаться этой своей гипотезы, но с некоторыми изменениями. Он неоднократно упоминает статуи Тиахуанаку, поразительно похожие, по его словам, на рапануйские моаи. Некоторые из каменных сооружений Рапануи он считает идентичными по строительной технике сооружениям инкского периода в Перу. Однако период Тиахуанаку все исследователи южноамериканской археологии в настоящее время датируют X—XIII вв. н. э. Чтобы избежать хронологического разрыва, Хейердал утверждает, что тиахуанаки в инкский период еще находились на территории Перу и передали полудиким еще инкам свою культуру, в частности умение возводить каменные сооружения (стр. 352—354).

В действительности, однако, усматривать какую-либо связь между строительной техникой периода Тиахуанаку и инкского периода невозможно. Строители Тиахуанаку широко применяли для соединения отдельных каменных блоков медные штыри и скрепы. Ничего подобного в инкский период не встречается, наиболее распространенной тогда была так называемая циклопическая кладка, лишь в правление последних инков замененная кладкой из отесанных квадров. Наличие же в отдельных рапануйских сооружениях циклопической кладки можно и должно объяснять значительно более простым путем, чем это делает Хейердал. Близкие формы техники могут возникнуть совершенно независимо друг от друга в разных областях, и нет необходимости обязательно объяснять совпадение их миграцией какого-то народа — носителя данной техники.

До своей экспедиции на остров Пасхи Хейердал утверждал, что большие каменные статуи, благодаря которым этот остров стал так известен, крайне близки к статуям в Тиахуанаку. В своей книге «Американские индейцы в Тихом океане» он отвергает значительное место разбору совпадений в стиле рапануйских статуй и памятников Тиахуанаку. Как известно, этот его тезис был также критически встречен многими исследователями. Приводим высказывание по этому поводу такого крупного специалиста, как Альфред Метро: «Я пишу эти строки через несколько недель после возвращения из Тиахуанаку, расположенного на берегах озера Титикака, где я исследовал те немногие монолиты, которые возвышаются среди руин этого знаменитого города. Я напрасно искал хотя бы самое малое стилистическое сходство между ними и моаи острова Пасхи. На деле трудно было бы представить себе более различную художественную традицию»⁴⁸.

Еще более категорично ту же мысль высказал немецкий американист Г.-Д. Диссельгоф: «Статуи острова Пасхи и статуи из Тиахуанаку имеют общие черты лишь в том, что и те и другие больших размеров и изготовлены из камня»⁴⁹.

В «Аку-аку» Хейердал ограничивается лишь утверждением, что с памятниками Тиахуанаку совпадают только вновь найденные им, а не известные прежде статуи. При сравнении их с произведениями древней южноамериканской пластики Хейердал оперирует двумя аргументами: 1) общность породы камня, 2) стилистическая общность статуй (понимая под этим, в сущности, лишь одинаковые позы, так как подлинно стилистического анализа он не дает). Но первый аргумент не может служить доказательством правильности его гипотезы. Известно, что одинаковые горные породы часто встречаются и используются на разных материках. Во втором же случае очевидно, что совпадение в позе статуй еще ничего не говорит. Кроме того, о каком-то совпадении можно говорить лишь в одном конкретном случае: это сидящий на поджатых ногах исполнин. Действительно, в Тиахуанаку имеются две похожие по позе статуи, находящиеся теперь у входа в церковь в деревне Тиахуанаку. Остальные же опубликованные Хейердалом статуи, по нашему мнению, попадают в те стилистические группы, которые были намечены для рапануйских изваяний К. Гюнтером⁵⁰, и, следовательно, не могут служить доказательством перуанского происхождения стиля скульптур острова Пасхи.

Хейердал уделяет много внимания вопросу о том, как передвигались и устанавливались каменные статуи, каким образом они увенчивались огромной «шляпой» и т. д. Для выяснения этого вопроса экспедиция проводила своеобразные «археологические эксперименты», а именно — нанимала местных жителей, чтобы они поднимали и перетаскивали статуи. В результате этих экспериментов Хейердал пришел к выводу, что статуи перетаскивали с помощью веревок на деревянных полозьях, а устанавливали с помощью насыпи из камней. Однако эта техника уже была описана самим Хейердалом на основании литературных данных задолго до посещения им острова Пасхи. «Из луба и растительного волокна сплетали прочнейшие канаты, каменного колосса одевали в раму из бревен и перетаскивали по деревянным и каменным каткам, сма-

⁴⁸ A. Métraux, *Easter Island. A stone — age civilization of the Pacific*, London, 1957, стр. 223.

⁴⁹ H. D. Disselhoff, *Geschichte der altamerikanischen Kulturen*, München, 1953, стр. 296.

⁵⁰ Klaus Günther, *Zur Frage der Typologie und Chronologie der großen Steinbilder der Osterinsel*, Zusammenfassung und Kritik, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität», Jahr. 3, Mathematisch-Naturwissenschaftliche Reihe, Hf. I, Jena, 1953—1954, стр. 81—107.

занным соком корней таро»⁵¹. Более точно и более детально технику передвижения статуи описал С. Энглерт: «Есть одна подробность в преданиях, которая нам позволяет сделать предположение относительно техники транспортировки. Между тем как одни из местных жителей наивно верят и утверждают, что в прежние времена существовала маиа, или магическая сила, заставлявшая моаи идти до платформы аху, другие слышали от стариков, что при перетаскивании разбрасывали по дороге вареный ямс, чтобы сделать ее более скользкой. Следует предположить, что при передвижении употребляли деревянный каркас в форме носилок без ножек; поместив сверху моаи, их тащили толстыми веревками, как на саних. Это представляется удовлетворительным объяснением примитивной техники, употреблявшейся для передвижения тяжелых колоссов в наиболее удаленные места побережья»⁵². «В других случаях могла употребляться еще более простая техника транспортировки: статую помещали на два круглых бревна и катили ее, постоянно перенося катки»⁵³.

Аналогичным образом техника воздвижения статуи и надевания на них каменной «шляпы» задолго до экспедиции описана самим Хейердалом⁵⁴, а до него, по древним преданиям острова Пасхи, их знатоком Энглертом⁵⁵.

Экспедиция приобрела большое количество различных каменных изображений, главным образом из тайных семейных пещер. Среди них имеются изображения хищных животных, собак, пингвинов, модели кораблей и т. д. Сам Хейердал указывает, что часть этих скульптур была сделана либо самим продавцом, либо его отцом или дедом. В книге «Аку-аку» помещены снимки только с некоторых предметов, но их слишком мало, чтобы дать научную оценку коллекции Хейердала.

Особую сенсацию вызвало сообщение Хейердала о приобретении им тетрадей с записями (в том числе иероглифическими) последних знатоков древнего письма.

Первая тетрадь такого рода была обнаружена чилийским ученым Хорхе Сильва Оливаресом 18 февраля 1956 года (т. е. во время пребывания на острове экспедиции Хейердала) в селении Хангароа у местного жителя Хуана Теао. Сильва Оливарес сфотографировал всю тетрадь Хуана Теао, но, к сожалению, катушка фотопленки была затем утрачена. По данным Сильва Оливареса, тетрадь Хуана Теао является копией с тетради, принадлежащей Педро Пате, который получил ее от своего деда Томеники (Вака Туку-онге), знатока древнего письма (маори-ронго-ронго). В тетради Хуана Теао, наряду с другими материалами, имелась генеалогия арики и «своего рода словарь ронго-ронго»⁵⁶.

В «Аку-аку» Хейердал упоминает о двух тетрадях. Одна из них принадлежала местному жителю Эстевану Атан. Как говорит Хейердал, дед Эстевана (Атаму Ту-пуахи, по генеалогии Энглерта) был знатоком иероглифического письма, а один из рапануйцев, попавших в число невольников, увезенных в Перу, а затем возвращенных обратно, помог ему записать испанскими буквами значение священных знаков. От деда тетрадь перешла к отцу Эстевана, который переписал ее заново, так как она истрепалась, но сам читать не умел. По словам Хейердала, тетрадь Эстевана Атан имела 41 страницу, причем «некоторые страницы были целиком заняты непонятными иероглифами, другие же были отведены под своего рода словарь с переводом отдельных знаков. Письмена ронго-ронго в словарики стояли одно под другим с левой стороны; справа на местном наречии полинезийского языка неуклюжими латинскими буквами было написано объяснение... Ясно было, что это не ловкая подделка, исполненная Эстеваном, и столь же ясно было, что если тот, кто записал эти загадочные значки, действительно знал секрет письменности ронго-ронго, то эта простенькая тетрадь без обложки представляет собой огромную ценность и открывает неслыханные перспективы для толкования древней нерасшифрованной письменности острова Пасхи» (стр. 236—237).

В «Аку-аку» Хейердал привел фотографии двух страниц из тетради Эстевана Атан (см. стр. 234—235). На первой странице (сплошной иероглифический текст) знаки представляют копию из каталога, опубликованного епископом Таити Тепано Жоссаном (сопровождающий их полинезийский и французский тексты отсутствуют)⁵⁷. Знаки скопированы в основном в следующем порядке: сначала идет первый знак из первого столбца французского издания, затем первый знак из второго столбца, далее второй знак из первого столбца и т. д. Знаки записывались, несомненно, лицом, знающим иероглифическое письмо; в них повторяются все искажения знаков, встречающиеся у Жоссана. На второй странице имеются два столбца иероглифических знаков, каждому из которых соответствует строчка полинезийского текста, записанного латинскими буквами. Верхняя часть этой страницы (два параллельных столбца) скопирована, как и первая страница, с каталога Жоссана, но на этот раз воспроизведены

⁵¹ Т. Хейердал, Путешествие на «Кон-Тики», стр. 116.

⁵² S. Engleert, Указ. раб., стр. 96.

⁵³ Там же, стр. 96—97.

⁵⁴ Т. Хейердал, Путешествие на «Кон-Тики», стр. 116—117.

⁵⁵ S. Engleert, Указ. раб., стр. 113.

⁵⁶ См. Н. А. Бутников и Ю. В. Кнорозов, Новые материалы об острове Пасхи, «Сов. этнография», 1957, № 6.

⁵⁷ T. Jausen, L'île de Pâques, Paris, 1893. Ссылки на номера каталога Жоссана даны по изданию: Werner Worff, Island of Death, New York, 1943, стр. 66—77.

и знаки, и полинезийский текст (французского текста нет). В основном взяты №№ 198—242 каталога Жоссана, но с некоторыми пропусками и перестановками, а именно: в столбце слева (сверху вниз) № 176, 207 (?), 198, 200, 201, 202, 205, 207, 206 (одного знака нет), 210, 211, 212, 213; в столбце справа №№ 232 (?), 228, (один знак пропущен), 223, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242. Многие знаки довольно сильно искажены, например, №№ 176, 211, 213, 234, 236, 241. Соответствующий знаменитый полинезийский текст взят также из каталога Жоссана с некоторыми искажениями, например: № 236 — вместо *кикиу* (крыса) написано *китуу*, № 242 вместо *ихо* (он) — *ихо* (недавно) и т. д. Знак № 241 в каталоге Жоссана не имеет объяснительного полинезийского текста, но имеет французский текст (акула, которая пожирает), в тетради Эстевана Атан этому знаку соответствует полинезийский текст *хе охо хе кори* (ушло, украдено). К знаку № 207 (?) дан текст, относящийся к знаку № 199, но вместо *рауа* (они) написано *аруруа* (вдвоем). Полностью изменен текст, относящийся к знаку № 232 (?). Изменения и искажения имеются также в тексте к знакам №№ 176 (*е — хе*), 216 (*и те — ки те*), 210 (*е — хе*), 212 (*мео — маеа*), 235 (*тика — такае*), 239 (*и тона — и те*), 213 (*коти, котиа — хе коти коти*), 228 (*мамау и те ахи — тангае мау ахи*), 229 (*те нуку е те ахи — те нуку нуку ахи*), но они отнюдь не вносят чего-либо нового в каталог Жоссана.

Знаки на нижней части этой же страницы (столбец слева) скопированы с книги Макмиллана Брауна⁵⁸, который опубликовал иероглифический текст так называемого «железа» из музея в Сант-Яго (Чили). Четыре верхних знака взяты со стр. 88 (строчка Ш-а, знаки 7—8, 9—10 (?), 11, 12, 14), но со значительными искажениями и пропусками (искажены знаки 8, 10, 11, 14, пропущен знак 13, пропущены части знаков 9, 12). Пять нижних знаков взяты со стр. 91 (строчка В, знаки 2—3, 4—5, 6—7, 8, 9—10) также с пропусками и искажениями (искажены знаки 4, 6, 8, пропущены части знаков 2, 10). Следует отметить, что на основе той же стр. 91 книги Макмиллана Брауна была сфальсифицирована поддельная дощечка с якобы древней надписью. Бисселл приобрел ее в 1932 г. у торговца древностями Нордман-Салмона, а в 1948 г. подарил Национальному музею в Вашингтоне. Факт фальсификации можно считать установленным. Обращает на себя внимание, что четыре нижних знака на странице из тетради Эстевана Атан дважды повторяются подряд на фальсификации, приобретенной Бисселлом (в издании Бартеля рис. 1, третья строка сверху, и рис. 2, третья строка сверху).

Весь столбец из 9 знаков на нижней части страницы из тетради Эстевана Атан сопровождается строчками полинезийского текста, явно в подражание каталогу Жоссана (верхняя часть страницы списана с каталога Жоссана). Текст этот следующий (Хейердал не дает к нему ни перевода, ни комментариев, кроме цитированного выше сообщения об обстоятельствах приобретения этой тетради):

1. хе ка руа	где второй
2. ка руа маори о те кохоу ⁵⁹	второй знаток дощечек
3. хе поки моту и те кохоу	где дети, вырезающие знаки на дощечках
4. хе маори и те кохоу	где знаток дощечек
5. ка тору, маори о те кохоу	третий знаток дощечек
6. ка ха маори о те кохоу	четвертый знаток дощечек
7. нга поки рео рива рива мо кай и те кохоу	дети хорошо болтают, но не читают дощечек
8. ка мантаки кое ере пая	хорошее для тебя кончилось
9. ка мантаки те хуру о те коро	хорошие обычаи отцов

В сочетании со знаками из книги Макмиллана Брауна этот текст выглядит по меньшей мере иронически.

Кроме того, Хейердал опубликовал (стр. 256—257) найденный в тайной пещере камень с иероглифической надписью. Надпись на этом камне представляет собой фальсификацию, сделанную по копии каталога Жоссана (первая опубликованная страница из тетради Эстевана Атан, стр. 238) и по 91 странице книги Макмиллана Брауна. Насколько можно судить, приобретенные Хейердалом страницы с неточными копиями иероглифов, опубликованных в европейских изданиях, служили своего рода пособиями для рапануйских подделывателей древностей.

Подведем некоторые итоги.

Археологические исследования экспедиции Хейердала могут дать новые, возможно — ценные материалы для изучения острова Пасхи, но пока результаты их еще не опубликованы.

Эпизодические связи между Америкой и Полинезией безусловно существовали, что признавалось и до появления книг Хейердала. Вопрос об этих связях, в частности о плаваниях инков в Тихом океане и о плаваниях полинезийцев в Америку, нуждается в дальнейшем изучении.

⁵⁸ J. Macmillan Brown, The Riddle of the Pacific, London, 1924.

⁵⁹ В тексте везде стоит кохоу вместо кохау (дощечка).

Мнение Хейердала о том, что целый народ (или его остатки) переселился из Америки в Полинезию, представляет собой совершенно необоснованную гипотезу, не подкрепленную ни одним убедительным доказательством.

Несмотря на то, что в книге «Аку-аку» нет никакой новой убедительной аргументации в пользу уже известных взглядов Хейердала, некоторые советские авторы восприняли эту книгу как последнее слово науки в области океанистики и американистики. Эти авторы считают необоснованные гипотезы Хейердала общепризнанными научными истинами и даже начали широкую популяризацию их на страницах массовой печати. Например, Л. Жданов в статье «Хейердал видел это сам»⁶⁰, не дав себе труда взглянуть хотя бы в самые популярные работы по острову Пасхи, излагает взгляды Хейердала как последнее слово науки. Такую практику нельзя признать нормальной.

Н. Бутинов, Р. Кинжалов, Ю. Кнорозов

АНТРОПОЛОГИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

М. Г. Левин. *Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока*. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXXVI, Труды Северо-восточной экспедиции, II, М., 1958, 357 стр.

В основу рецензируемого труда положены обширные антропологические материалы, собранные лично его автором в разных районах Сибири и Дальнего Востока, результаты лабораторных краниологических исследований автора, обширная антропологическая литература, представленная в книге списком, содержащим около 530 названий на русском и иностранных языках, а также некоторые неопубликованные материалы по антропологии, хранящиеся в архивах Научно-исследовательского института антропологии (сборы А. Н. Покровского, А. М. Золотарева) и Института этнографии АН СССР (соматические и краниологические материалы Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Чебоксарова). Кроме того, автор имел возможность привлечь некоторые археологические неопубликованные данные А. П. Окладникова, а также этнографические материалы по народам Амура из архивов Института этнографии АН СССР, находящихся в Москве и Ленинграде.

Книга М. Г. Левина содержит, помимо введения и заключения, пять глав, посвященных следующим основным проблемам: расовым классификациям и основным этапам антропологического изучения народов Северной Азии; анализу антропологического состава и происхождения народов Нижнего Амура и Сахалина; происхождению тунгусов; этногенетическим проблемам населения Северо-Востока Азии в свете данных антропологии; наконец, айнской проблеме. В приложении рассматриваются антропологические типы корейцев и японцев.

Работа посвящена одной из интереснейших для этнографа и антрополога областей Азии, где скрещиваются вопросы этногенеза народов юго-восточной части азиатского материка, Сибири, далекого Севера, включая американскую Арктику.

Следует особо отметить, что М. Г. Левин является первым советским антропологом, да и первым антропологом в России, лично изучавшим айнов, что придает особый интерес пятой главе его книги.

Вполне естественно, что в книге, объединяющей этническую антропологию с проблемами этногенеза, автор должен был изложить свои общие воззрения на методы использования антропологического материала в качестве исторического источника. Это и сделано им во Введении (стр. 5—12), где читатель знакомится как с методологическими позициями советской антропологии в проблеме соотношения расы и этноса, так и с вопросами классификации народов по особенностям их культуры. Большую ценность представляет отчетливое и ясное изложение обоснованных автором совместно с Н. Н. Чебоксаровым (1955) двух принципов этнографической классификации и их применения к народам Сибири. Один из наиболее существенных выводов автора состоит в том, что к одному хозяйственно-культурному типу могут принадлежать этнические группы, имеющие совершенно различное происхождение и разный антропологический состав. Наоборот, что касается историко-этнографических областей, то некоторая связь их границ с распространением антропологических типов их населения может сложиться в процессе исторического формирования этих областей.

В первой главе, посвященной основным этапам антропологического изучения народов Северной Азии, дается история антропологического изучения Сибири (стр. 13—27), приводится исторический обзор расовых классификаций (стр. 27—49) и рассматриваются основные принципы классификации (стр. 49—58).

⁶⁰ Журн. «Техника — молодежи», 1957, № 12.